

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ПЛУНГЯН В. А.

О РАБОТАХ ГРУППЫ ФОРМАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ
ПАРИЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА-VII

Предметом настоящего обзора будут некоторые теоретические и практические результаты, полученные одной небольшой и пока еще малоизвестной группой сотрудников Лаборатории формальной лингвистики (руководимой А. Кюльоли) при Парижском университете-VII. Наш анализ не претендует на полноту и касается в основном публикаций 1986—1987 годов. Мы считали бы цель настоящей работы достигнутой, если бы у читателя сформировалось хотя бы самое общее представление о характере работ Группы и возникло желание познакомиться с ними более детально.

Лингвистическая продукция Группы может быть условно разделена на две части: теоретическую и конкретно-языковую. Теоретическое направление (которому, без сомнения, принадлежит ведущая роль) включает, главным образом, работы, касающиеся способов представления смысла высказывания и соотношения языка и действительности. Конкретно-языковое направление в последние годы сосредоточено на анализе преимущественно двух классов языковых единиц — так называемых фразовых частей (главным образом, на материале русского языка [1, 2]) и глагольных показателей с аспектуальным и/или модальным значением (на материале типологически разнородных языков Азии, Африки и Европы [3])¹. Указанное разделение является условным потому, что любая работа, посвященная исследованию конкретного материала, является в той или иной степени теоретической (и это следует считать бесспорным достоинством данного направления); в то же время и чисто теоретические работы (каковыми являются, например, работы А. Кюльоли) опираются на конкретный языковой материал.

Обзор работ Группы было бы, вероятно, удобно и целесообразно начать с последовательного изложения ее теоретической концепции. К сожалению, сделать это не представляется возможным, поскольку та теория, о которой идет речь, пока еще не получила полного и детального раскрытия; отдельные, очень важные статьи (как, например [6—9]) не составляют тем не менее единого целого и, кроме того, именно в силу их более отвлеченного характера весьма непросты как для понимания, так и для пересказа. Можно было бы, с другой стороны, начать непосредственно с изложения практических результатов, однако и этот путь не вполне приемлем в силу отмечавшейся выше спаянности теоретического и практического при дан-

¹ Здесь не рассматривается цикл исследований Сетее раннего периода, связанный с описанием категории детерминации в разных языках [4, 5].

ном подходе, когда всякое конкретное наблюдение призвано «работать» на теорию и оценивается в первую очередь в зависимости от того, насколько удачно оно может проиллюстрировать то или иное положение.

Указанные трудности побуждают нас избрать компромиссный путь. Мы начнем с изложения тех теоретических положений, которые представляются нам принципиальными, но опираться при этом будем не столько на теоретические, сколько на дескриптивные работы. Тем самым, строго говоря, мы предлагаем читателю не столько простое изложение работ, сколько определенную реконструкцию стоящих за ними взглядов, возможно, прямо и не нашедших выражения. Если можно себе позволить такое сравнение, то данная операция с лингвистическими текстами больше всего напоминает работу с информантом — в обоих случаях исследователь по внешним данным реконструирует некоторую абстрактную модель, в обоих случаях субъективные свидетельства авторов текста на являются для него единственным источником.

Итак, основные теоретические усилия Группы направлены на формальное моделирование смысла высказываний на естественном языке. Оригинальным в рассматриваемой концепции является прежде всего представление о природе единиц семантического уровня: предполагается, что, апеллируя к семантике, исследователь должен иметь дело только с двумя элементарными сущностями — с в о й с т в а м и и о п е р а ц и я м и. При этом (поверхностные) лингвистические единицы — элементы текста — объявляются «следами операций» или, иначе говоря, з н а ч е н и е лингвистической единицы приравнивается к о п е р а ц и и того или иного рода.

Заметим, что тезис, согласно которому значениям языковых единиц определенного типа могут соответствовать операции, само по себе не нов; источником его, по-видимому, можно считать известную статью Р. Якобсона [10], где указанное свойство приписывается так называемым «шифтерам»; в дальнейшем это свойство часто приписывалось служебным словам в целом (ср. [11] и в особенности [12]) в отличие от «самостоятельных» слов. Однако в рассматриваемой здесь теории утверждение об операционной природе значения распространяется на все языковые единицы, хотя в действительности анализируются все же исключительно служебные слова (частицы и некот. др.) и грамматические показатели. Тем самым авторы теории могут вызвать упрек в некоторой односторонности подхода, обусловленной преобладанием определенного типа исследуемого материала. С другой стороны, распространение понятия операции на все классы значений открывает перед исследователем некоторые интересные возможности.

Элементарными единицами семантического уровня являются, с одной стороны, две операции (к в а л и ф и к а т и в н а я и к в а н т и т а т и в н а я) и, с другой стороны, характеристики ситуации, сводящиеся к у ч а с т н и к а м речевого акта (хотя понятие речевого акта в рассматриваемой теории отвергается) и т е м п о р а л ь н ы м к о о р д и н а т а м с и т у а ц и и (пространственные координаты считаются производными, т. е. могут быть получены в результате операции темпоральной локализации участников речевого акта). Остановимся на этих понятиях — центральных в теории — подробнее.

1) Два типа операций и понятие домена. Как отмечалось выше, исходные единицы семантического уровня (т. е. те, из которых строятся более сложные семантические сущности) относятся к свойствам²; единицы дру-

² Совокупность свойств, связанных определенными отношениями, образует некоторое структурированное множество, называемое сетью культурно-физических свойств (*propriétés physico-culturelles*) и относящееся к п о н я т и й н о м у у р о в н ю пред-

гого типа не вводятся. Как известно, подавляющее большинство других современных семантических теорий различает предикаты и термы, считая их одинаково элементарными сущностями. В рассматриваемой теории термы объявляются производной сущностью, получаемой с помощью квантитативной операции. Эта операция, собственно, и сводится к построению некоторого терма — носителя данного свойства или, иначе говоря, его квантитативной реализации, имеющей обязательную пространственно-временную локализацию. Однако, по мысли авторов теории, которая представляется мне чрезвычайно глубокой (несмотря на то — а может быть, и благодаря тому — что она плохо вписывается в рамки других известных мне подходов), между свойством и его квантитативной реализацией возникают сложные отношения, не сводимые к простому порождению «эталонного носителя» свойства по некоторому образцу. Действительно, реальные носители свойства, например, «быть собакой» (т. е. те реальные объекты, которые могут претендовать на то, чтобы их называли собаками) воплощают свою принадлежность к классу собак в весьма различной степени, причем этот факт хорошо осознается носителями языка и может быть предметом специальных оценок, ср.: *Собака как собака, Настоящая собака, Это не собака, а прямо-таки тигр, Что это за собака!* и мн. др. (ср. [13, с. 174]). Таким образом, возникает вопрос о соответствии построенного терма — квантитативной реализации свойства — самому свойству, так сказать, вопрос о качестве построения. Это качественное определение и осуществляется с помощью второй из элементарных операций — кваликативной. В результате кваликативной операции терм оказывается определенным образом локализованным в пространстве всех других термов, являющихся носителями данного свойства: он может быть признан обладающим данным свойством в полной мере, обладающим им частично или (в предельном случае) вовсе не обладающим им. Класс термов, «подозреваемых» на наличие определенного свойства, образует особый объект, называемый доменом. Домен является структурированным объектом: в нем различается прежде всего внутренняя зона (термы, обладающие свойством в полной мере — «настоящие X-ы»), пограничная зона (термы, обладающие свойством не в полной мере — «не совсем X-ы») и внешняя зона (термы, не обладающие свойством — «не X-ы»). Таким образом, понятие домена весьма сложно соотносится с более традиционным понятием лексемы, моделируя более широкий и более подвижный класс объектов, чем тот, который соответствует лексеме (в частности, домен включает и такие объекты, к которым, строго говоря, не может быть применима номинация с помощью данной лексемы).

Вскрытие механизмов противоречивой языковой игры — движение от свойства к носителю (квантификация) и от носителя к свойству (квалификация) — представляется мне одной из самых сильных сторон обсуждаемой теории. По-видимому, понятие домена может заполнить весьма существенную лауну в теории номинации и облегчить формулировку многих положений³.

ставления текста (plan notionnel); кроме него, различаются еще по крайней мере два уровня — синтаксический и уровень актуального членения (plan énonciatif).

³ Представляет интерес, в частности, попытка семантической классификации предикатов (Д. Пайар), осуществляемая с помощью того же понятийного аппарата и приводящая к результатам, отчасти сходным с полученными другими способами (обзор этих последних см., например, в [14]). Здесь, однако, мы эту классификацию рассматривать не будем, т. к. она пока еще находится в стадии разработки.

2) Координаты ситуации и понятие локализации. Другую важную область теории, разрабатываемой Группой, составляет совокупность представлений о референциальных механизмах языка. И в этой области предлагается пересмотреть многие положения, считавшиеся общепринятыми.

Для каждого термина существует система координат, локализующих его в некотором абстрактном пространстве: это, как уже отмечалось, говорящий и слушающий, а также темпоральная координата; совокупность координат образует так называемую «ситуацию»⁴.

Наиболее важным в этом комплексе является понятие (абстрактной) л о к а л и з а ц и и (герégage). Локализация — универсальная операция, обеспечивающая референцию термина. Элементы, с помощью которых объект соотносится с действительностью («локализуется»), называются л о к а л и з а т о р а м и (герége, букв. «отметка, ориентир»). Определение локализатора (Y есть локализатор X-а) как «элемента Y, указывающего на такой контекст/ситуацию, которые могут обеспечить идентификацию X-а» [15] или «источника определенности для X-а» [9, с. 29] дает лишь самое общее представление об этом понятии и не вполне раскрывает его сущность. Анализируя особенности употребления этого термина, убеждаешься в его поистине универсальном характере. Действительно, локализаторами оказываются не только говорящий и слушающий, не только фрагменты текста, обеспечивающие пространственно-временную фиксацию ситуации, но и, например, слово *стакан* для слова *вода* в сочетании *стакан воды* (стакан «локализует» воду, саму по себе не имеющую пространственных границ). По замыслу авторов, операция локализации является наиболее элементарной, базовой операцией, к которой могут быть сведены многие другие, более сложные операции, обеспечивающие построение и понимание текста: в частности, топикализация, анафора, дейксис, эмфаза и др. [16].

В подобном подходе, может быть, особенно отчетливо проявляется присущее рассматриваемой теории стремление к универсализации концептуального аппарата, к объяснению всего многообразия наблюдаемых данных с помощью нескольких базовых понятий. Однако, с моей точки зрения, понятие абстрактной локализации демонстрирует не столько позитивные, сколько негативные стороны данного подхода. Оставаясь на уровне непосредственного наблюдения, трудно без некоторого насилия принять объединение всех названных здесь (и многих других) сущностей в рамках единого понятия. Может быть, у всех этих сущностей действительно есть нечто общее. Однако трудно избавиться от ощущения, что поиски общего в этом случае ведутся по законам какой-то иной логики, какого-то иного, недоступного способа мыслить и, ergo, способа обобщать. Как бы то ни было, авторы теории, по-видимому, вполне свободно себя чувствуют в мире нечетких, подвижных понятий и всеобъемлющих аналогий. С этой склонностью к дерзкому обобщению наперекор всем возможным препятствиям нам еще предстоит встретиться ниже, при рассмотрении концепции инвариантного значения.

Завершая эту — по необходимости, очень беглую — характеристику понятий, связанных с ситуацией, нельзя не упомянуть и своеобразную теорию «чужого» (фран. *altérité*). Согласно этой теории (подробно обсужда-

⁴ Тем самым термин «ситуация» используется не вполне стандартно — по крайней мере, для русской традиции, где он обозначает, как правило, не абстрактную «систему координат», а денотат предикатного выражения (ср., например, [14]; для этого последнего значения в работах Группы употребляется термин «процесс»).

емой в [9]), в системе локализаторов важнейшую роль играет оппозиция «свой» — «чужой» (*même — autre*), реализуемая в двух аспектах: «говорящий» — «неговорящий» и «истинное» — «ложное» («не-говорящий» и «ложное» относятся к «чужому»). При этом авторы, опираясь на теорию шифтеров Р. Якобсона и концепцию лингвистического субъективизма Э. Бенвениста [17], приходят к принципиально отличному заключению о том, что именно «чужое» в некоторых своих свойствах следует считать первичным, исходным понятием, тогда как «свое» всегда можно представить как результат какой-либо операции, применяемой к этим свойствам (например, операции «гомогенизации»). Не анализируя подробно теорию «чужого» (мы, вероятно, еще станем свидетелями ее дальнейших модификаций), хотелось бы отметить существование в современной лингвистике точки зрения, радикально противоречащей известной концепции «эгоцентричности» языка.

Таков, вкратце, основной теоретический аппарат, используемый в работах Группы формальной лингвистики. С помощью этого, достаточно ограниченного набора сущностей исследователи с поразительной виртуозностью ухитряются описывать значения самых разнообразных языковых элементов — от русских частиц *же, ведь, то* и др. (работы Д. Пайара, Кр. Бонно и др.) до глагольных показателей китайского и хауса [3]. При этом в основу семантического описания языковых единиц кладется один общий принцип, который можно было бы назвать принципом взаимно-однозначного соответствия формы и значения. Считается, что некоторому показателю всегда можно приписать некоторое е д и н о е (и н в а р и а н т н о е) з н а ч е н и е, которое является общим для всех контекстов его употребления. Такое единое значение (представляющее собой, напомним, операцию) имеет по необходимости абстрактный характер: действительно, может ли быть не абстрактным, например, инвариант для единицы *mai*, которая в кантонском диалекте китайского языка имеет значения: 1) глагол «заваривать; хоронить»; 2) локализатор, выражающий тесную близость, контакт; 3) глагольный суффикс со значением а) сопутствующего обстоятельства и б) завершения действия [18]?

Таким образом, задача описания лингвистической единицы считается выполненной, если: 1) выявлены основные контексты ее употребления и установлено ее конкретное значение в каждом из контекстов⁵; 2) установлено инвариантное значение единицы, охватывающее все контексты, и 3) это значение сформулировано в терминах операции над некоторыми свойствами. Так, например, значение упомянутой выше единицы *mai* определяется как «операция ограничения, выполняемая над классом определенных термов, заполняющих одну из валентностей предикатного отношения: если имеются два локализатора, R_i и R_j , то по отношению к R_i класс воспринимается состоящим из двух качественно различных подклассов, а по отношению к R_j класс воспринимается как единое целое» [18, с. 21]. Я специально

⁵ Эту стадию можно назвать дескриптивной в отличие от последующей стадии интерпретации. Прежде чем мы перейдем к рассмотрению интерпретации, необходимо сказать несколько слов собственно об описании. Многие работы членов Группы поражают высокой культурой отбора материала, тонким анализом отдельных примеров, безупречным знанием языка. Достаточно сказать, что, например, в работах Д. Пайара и Кр. Бонно, посвященных такой труднейшей теме, как русские частицы, нет ни одной фактической ошибки или даже неточности, тончайшие смысловые противопоставления (с трудом доступные и посетителю языка) анализируются точно и уверенно. То же в сущности можно сказать и о статьях других членов Группы: их эмпирическая часть если и не всегда полна, то почти всегда безупречна. Что касается интерпретационной части, то здесь, естественно, возникают более сложные проблемы.

привожу такую длинную цитату, чтобы читатель мог получить представление о том, как выглядят подобные «единые значения». С другой стороны, значение русской частицы *же* во многих (практически во всех) ее употреблениях описывается Д. Пайаром как «операция невыхода из домена», отражающая «невозможность построить терм *y*, качественно отличный от первоначального термина *x*» [13, с. 223]. Напротив, показатель результата в африканском языке волоф (-*na*) описывается в статье С. Робар как выражающий «операцию преодоления границы домена», сопровождающуюся «переходом из внутренней зоны во внешнюю» [19].

Если сопоставить этот способ описания служебных слов с другими (в первую очередь мы имеем в виду подход Московской семантической школы, имеющий уже достаточно длительную традицию [20, 21]), то бросаются в глаза следующие его особенности (помимо, разумеется, использования понятия операции и соответствующего аппарата): 1) отказ от признания многозначности служебных слов; 2) отказ от фиксированного семантического представления с определенным метаязыком, структурированным толкованием и т. п. и в связи с этим 3) отказ от подробного описания контекстных ограничений на употребление служебных слов.

Что можно сказать по поводу этих характеристик? Установление инварианта «любой ценой» [ср. (1)] может показаться спорным и открывающим путь к значительному исследовательскому субъективизму, но все же не лишенный определенного смысла; жертва строгости [ср. (2)] может быть частично оправдана содержательными приобретениями, невозможными в рамках более ортодоксальных подходов. Однако невнимание к контексту употребления служебных слов [ср. (3)] представляется более серьезным недостатком. Дело в том, что именно для служебных слов описание сочетаемостных ограничений часто оказывается не менее, а может быть, и более важным, чем описание собственно «значения» (в каких бы терминах его при этом ни представлять). Именно в этом пункте «проигрыш в точности» (вообще говоря, неизбежный для всякого вновь утверждающего себя содержательного подхода) ощущается особенно болезненно, так как отсутствие информации о свойствах контекста при одновременном нетерминологичном, «метафорическом» характере самого описания значений делает практически невозможным построение правил употребления соответствующих служебных слов на основе данного метода. Семантическая теория Группы «работает на анализ» несравненно более эффективно, чем на синтез, т. к. несмотря на присутствие слова «формальный» в названии Группы, формализация языка описания в том смысле, как она понимается, например, в традиции Московской семантической школы, здесь практически не представлена. Тому, по-видимому, есть свое объяснение. В подходе к наблюдаемым фактам, как известно, в лингвистике не раз сталкивались противоположные тенденции. В одних случаях преобладало стремление к комплексному охвату явлений, к широким обобщениям, подчиненным поискам универсальных механизмов функционирования языка. В других случаях предпочтение отдавалось строгому анализу отдельных фактов, атомизации языкового материала, особое внимание обращалось на метаязык.

Как правило, направления первого рода возникают в начале существования какой-либо научной теории, когда у ее сторонников преобладает, так сказать, «поэтический» взгляд на вещи, при котором главной ценностью является ощущение единства мира, поиски общего в различном. По мере развития такого направления в нем, как правило, появляется больше элементов «научного» взгляда, при котором эмпирическая точность

анализа, расчленение и классификация начинают цениться больше всеохватывающих обобщений. Может быть, для семантической теории, являющейся предметом настоящего обзора, было бы полезно некоторое продвижение по этому пути. Во всяком случае, бесспорно, что рассматриваемая теория, находясь еще в начальной стадии развития, выдвинула ряд положений и результатов, заслуживающих самого пристального внимания лингвистического сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Les particules énonciatives en russe contemporain. P., 1986.
2. Les particules énonciatives en russe contemporain. V. 2. P., 1987.
3. Aspects, modalité. Problèmes de catégorisation grammaticale. P., 1986.
4. Opérations de détermination. Théorie et description. V. 1, 2. P., 1980, 1983.
5. Paillard D. Énonciation et détermination en russe contemporain. P., 1984.
6. Culioli A. Valeurs modales et opérations énonciatives // Le français moderne. 1978. V. 46.
7. Culioli A. Le concept de notion // Bulletin de linguistique générale et appliquée. 1981. № 8.
8. Culioli A. Formes schématiques et domaine // Bulletin de linguistique générale et appliquée. 1986—1987. № 13.
9. Paillard D., De Vogüé S. Modes de présence de l'autre // Les particules énonciatives en russe contemporain. V. 2. P., 1987.
10. Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы гипологического анализа языков различного строя. М., 1972.
11. Гладкий А. В., Дрейзин Ф. А. К семантике русского отрицания // Wiener slavistischer Almanach. 1983. Bd. XI.
12. Крейдлин Г. Е., Поливанова А. К. О лексикографическом описании служебных слов русского языка // ВЯ. 1987. № 1.
13. Paillard D. *Že* ou la sortie impossible // Les particules énonciatives en russe contemporain. V. 2. P., 1987.
14. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
15. Formalisation des relations prédicatives. P., 1987. P. 99.
16. Culioli A. Rôle des représentations métalinguistiques en syntaxe. P., 1982. P. 4—5.
17. Бенвенист Э. О субъективности в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
18. Tse K.-K. Le suffixe verbal *mai* en cantonais // Aspects, modalité: Problèmes de catégorisation grammaticale. P., 1986.
19. Robert S. État résultant: aspects et modalité dans le paradigme dit «énonciatif» en wolof // Aspects, modalité: Problèmes de catégorisation grammaticale. P., 1986.
20. Крейдлин Г. Е. Служебные слова в русском языке: семантические и синтаксические аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
21. Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике: Сферы действия логических слов. М., 1985.